

Россия. - 2002. - 2 авг. - с. 11

Тося слезам не верит... И выигрывает

Диана Радебель

Раиса Ивановна Рязанова категорически отказывалась от интервью и согласилась, когда я уже и не надеялась, видно, подустав от моей настырности.

«Вы меня по старинке Тосей представляете? И напрасно! Я окончательно превратилась в бомжиху и пьяницу...» — заявила она в ответ на мои реверансы.

Я сразу не поняла смысл заявления и растерялась. Передо мной стояла все-таки Тося из фильма «Москва слезам не верит», только чуть-чуть располневшая и погрузневшая, и за руку держала очаровательного мальчугана лет двенадцати...

толстый, на четыре серии. Я залпом прочитала первую серию — нет там никакой Любы! Ну, думаю, и роль. Во второй — Люба наконец появилась, но какая! Я была в шоке: моя героиня сидела в тюрьме всю жизнь... и не хотела на волю, потому что там ей не было места. Я ничего не знала про таких женщин, я не понимала, что означает слово — рецидивист.

Тут Раиса Ивановна увлеклась — она, как психолог, объясняла мне Любу, разбирала ее отношения с героиней Апекушиной, вспоминала съемочные дни, радости, ожидания... И подвела итог:

— Я никогда ничего подобного не играла и не предполагала, что необходимые качества могут во мне присутствовать. И что обидно — никто на эту роль внимания не обратил, никто не написал ни единого слова... И даже если бы кто-нибудь из журналистов написал, что это плохо, я бы им не поверила! Меня хвалили те, кто знает, что такое тюрьма, кто сидел. Хотя меня в тюрьму с экскурсией так и не свозили. Режиссер посчитал, что мне это только повредит, что я начну обезьянничать. «Рая, будь собой, — говорил он мне. — И больше ничего не надо». Я была. Я себя открывала.

Да мне надо встать перед Сережей Белошниковым на колени! Эта роль дала мне такую свободу внутри меня самой! Я поняла, что могу и то, и это... Я все могу! Многие из моих коллег ушли на пенсию и ничего не ждут или ждут, но напрасно, а я все еще карабкаюсь.

— Прорыв остался незамеченным и вы для всех остались Тосей?

— Тося была и есть моя визитная карточка, ее принимают как мое естество, как мою жизнь... Будто я должна ей соответствовать — быть прекрасной матерью, мягкой, домашней женщиной.

— А разве вы не такая? Поставили сына на ноги. Одна... Многим ради него пожертвовали...

— Сейчас, когда уже внуку исполнилось одиннадцать лет, я поняла, сколько

Я даже извозом подрабатывала, но меня узнавали и было неудобно продолжать...

ДМИТРИЙ НАУМОВИЧ

недала сыну! И вот теперь добираю с внуком. Я не думаю, что делала для своего ребенка что-то особенное. Много работала, чтобы кормить и одевать. Сколько городов объездила! Не отказывалась — куда позвонят, туда и еду. Когда не снимали, фильмы озвучивала. Помните сериал «Дикая Роза»? Я там за мать Розы говорила. Я даже извозом подрабатывала, но меня узнавали и было неудобно продолжать...

— В смысле официального признания вас вспомнили последней. Сначала Государственные премии СССР получили Алентова и Муравьева, а вы — вдвоём... Обижались?

— Обижалась, конечно. Если бы у меня был характер Людки, которую играла Ира Муравьева, наверное, я бы пробилась в жизни. Но я

другая... Девочки — партнерши по фильму — ездили за границу, а я сидела дома. И причина не только в моей инертности, боюсь сказать — в моей скромности. Но это так. Я никогда никому не лезла на глаза и останусь такой навсегда. Я никому никогда не переходила дорогу, я ничью роль не сыграла, так, чтобы наперекор... Я играла то, что давали, и говорила: «Спасибо». За что и сын меня уважает, и я сама себя...

— Вы рано развелись и больше не выходили замуж. Почему?

— У меня были очень долгие привязанности. Я не гулена. Но проходило время, и я понимала, что лучше не надо...

— Вам свойственны депрессии?

— Нет. Я не допускаю депрессии к себе. Бывали страдания в подушку, когда проходила пробы, а потом не брали. Чтобы доводить себя до каких-то стрессов — никогда!

— Режиссеры любят возвращаться к своим актерам. У Юрия Григорьева вы снялись в трех картинах, у Фридриха играет во второй. Почему с Меньшовым опыт не повторился?

— Вот к нему я не претензи. Он сам себе хозяин. И более того, когда я смотрела «Любовь и голуби», «Ширли-Мырли» и «Зависть богов», все актеры там были на месте, и я даже не прикидывала себя на какую-то роль, потому что у Володи есть режиссерская интуиция. И он всегда оказывается прав.

— Простите за бестактность, какой роли вы не дождалась?

— Наверное, все девочки мечтали бы сыграть Джульетту или любую красивую костюмную роль. Когда я получила первую роль в кино, меня одели в телогрейку, в валенки с калошами и в рукавицы (фильм «День и вся жизнь». — Прим. авт.). Я поняла, что никакую Джульетту мне никогда не сыграть. У меня хватило мозгов не фантазировать, не забивать себе голову, а просто жить тем, что дают. Наверное, я жила без особого актерского полета, без мечты, но я рано научилась понимать, что жизнь — это одно, а кино — это только работа и средство к существованию.

«Все относительно, — как говорит наша героиня из «Москвы», — в сорок лет жизнь только начинается». Я никогда не рвала на себе волосенки в ожидании чего-то и от разочарования не рвала... Спокойствие. Только спокойствие. Сейчас у меня все дни расписаны, как у очень популярного артиста. Заканчивается одна картина, и в тот же день начинается другая. Такой жизнью я давно не жила... Я могу выбирать. Я могу отказываться. И это похоже на счастье...

— Что вы такое говорите? — пролепетала я. — Ну и шуточки...

— И совсем я не шучу. — Голос Рязановой повеселел. — Все думают — ушла на пенсию, ушла из кино, и никто внимания не обратил, как я разыгралась, как я изменилась... на экране. Кто мог представить, что я в себе такое открою? Сама себя не узнаю. Вы-то, надеюсь, мою Любу из «Клетки» заметили?

— К сожалению, телевизор включаю редко, но несколько фрагментов из фильма «Клетка» перехватила... Я вас там не узнала, титры прочла и обалдела — вот это перевоплощение!

— Время пришло. Наверное, я сама изменилась, может быть, даже внешне. И даю теперь повод к таким неожиданным ролям... Вот недавно закончила у Владимира Златоустовского сниматься в картине «Москва смеется!» по миниатюрным рассказам Анатолия Трушкина. Играю в четырех новеллах — мои героини все такие разные! В одной — откровенная пьяница, в другой — строгая судья, в третьей — современная сильная баба, вынужденная тащить на себе неудачливого мужа. И партнеры у меня очень разные: Трушкин, Юра Чернов и дверь.

— Это как?

— Я же пьянчужка — рвусь домой, а мой сынок меня не узнает и дверь не открывает. Вот я и общаюсь с дверью, пытаюсь доказать, что я есть я. Но стереотип работает: меня позвала в картину Лена Райская, хотя до этого наше знакомство ограничивалось «Здрассте». Роль в духе Тоси — на этот раз я хоть и домработница, но такая же, как и всегда: курица, домашняя, верная и всех детей вокруг себя собираю. Все эти роли были мне предложены, и я их приняла с благодарностью. Но хочется заметить, что с некоторых пор я и сама получила право выбора — что играть и с кем. Вот она, возможность выйти из ампулы, раздвинуть актерские рамки!

— Так вы сами выбрали Любу в «Клетке»? Смелый шаг!

— Чего не было, того не было. Не-е-ет. Если бы тогда при прочтении сценария был выбор, я бы никогда не увидела себя бабой Любой. Никогда! Прежде всего я по природе другой человек. И характером не вышла... Я бы никогда не взяла на себя смелость экспериментировать. Кино есть кино. Еще раз переиграть то, что ты сию минуту сделал, невозможно. Это уйдет в мир, в народ, в зрительскую память. Большая ответственность... Мне позвонили из актерского агентства «Макс» и пригласили почитать сценарий, с легким намеком, мол, обратите внимание на Любу. Сценарий

02.08.02 Россия Ивановна

198